

Ж И З Н Ь

Архимандрита Никодима Казанцева.

(*Продолженіе*).

Въ это время и мнѣ приключилась болѣзнь, которой доселѣ хорошенько не умѣю растолковать. Со мною трижды случались удивительныя изступленія, одно послѣ другого чрезъ мѣсяць, или немного меньше. Каждое изступленіе продолжалось часа три; въ это время я лежалъ почти неподвижно, съ закрытыми глазами, и однако говорилъ безпрестанно, рассказывая видѣнія, какія мнѣ представлялись. Жаль, я теперь ихъ не могу рассказать послѣдовательно и подробно. Вотъ что припоминаю. а) Сперва я рассказывалъ, отъ лица Божія, причины гнѣва Его на Россію. Говорилъ: „кайтесь, русскіе, на васъ разгнѣвался Господь за ваши неправды. Нашествіе Наполеона есть очистительная казнь за ваши грѣхи; но вы и теперь безпечны: прилагаете беззаконіе къ беззаконію и проч. Тутъ въ подробности разбиралъ я всѣ ужасы безчеловѣчія, грабительства и неправдъ, какія точно открылись въ то время, когда замолкли законы, правительство скрылось и разбѣжалось, дикая свобода и не наказанность шумѣли повсюду. Описывалъ семейные безпорядки, зависти, вражды, предательства. Изображалъ безнравственность обществъ, охоту къ чужимъ обычаямъ, забвеніе отеческой простоты, хитрости, коварства. Показывалъ отступленіе отъ Бога, забвеніе обязанностей религіи, нехождение къ службамъ въ храмъ Божій, пренебреженіе праздниковъ, постовъ. Рассказывалъ о нечистыхъ замыслахъ ходившихъ на Бородинскія поля, чтобъ тамъ обобратъ умер-

шихъ, и указывалъ на гибель цѣлыхъ домовъ за это. Удивительно, я рассказывалъ, а слушавшіе плакали отъ удивленія, создавая, что я, попеременно, то того, то другого изображалъ живо въ послѣднихъ изгибахъ его сердца. Я входилъ иногда въ такія подробности, которыя въ то время никому (кромѣ содѣлавшаго) не были извѣстны, но которыя въ послѣдствіи открывались, и точно такъ, какъ я рассказаль. Помню на это два примѣра: 1) Изъ сосѣдней намъ деревни (Таболова) нѣкоторыя старушки (кажется, я называлъ ихъ по имени, вовсе не зная ихъ; даже и родители мои ихъ не знали) ходили на Бородинскія поля для того, чтобы поплакать надъ растерзанными мучениками за вѣру и отечество, поминали ихъ и тѣхъ, которые были слишкомъ обезображены, закрывали ихъ одеждою; для иныхъ отдирали лоскуты отъ своей одежды, чтобъ закрыть ихъ отверзтыя глаза. Я это рассказывалъ, указывалъ деревню, домъ и едва ли не называлъ по имени сихъ благочестивыхъ старушекъ: и похвалялъ ихъ человѣколюбіе. Черезъ годъ узнано, что точно, изъ той деревни старушки ходили и дѣлали то, что я рассказывалъ. 2) По смерти бабушки (батюшкиной матери) матушка хотѣла ея шубу или взять себѣ, или дать дочери. Я упрекалъ матушку, говоря: „напрасно дѣлаешь это, шуба завѣщана мнѣ“. Матушка дивилась; она своихъ мыслей никому не сообщала, а точно, хотѣла сдѣлать съ шубою то, что я говорилъ. А я вовсе не зналъ и о завѣщаніи мнѣ бабушкою ея шубы. Да и не могъ понять смысла завѣщаній, будучи только 9 лѣтъ (пишу въ монастырѣ въ чистый понедѣльникъ 2 марта 1842 г.).

б) Во второе изступленіе мнѣ представлена была картина вѣчнаго мученія, которымъ угрожаетъ грѣшникамъ Спаситель. Здѣсь я видѣлъ огненную, страшно пылающую и горами волнующуюся рѣку. Видъ ея и окрестности походили на нашу рѣку Рузу въ Комлевѣ—моей родинѣ. Меня водилъ и рассказывалъ, что я видѣлъ, въ видѣ прекраснаго юноши, Ангелъ. Тутъ я видѣлъ плавающихъ въ огнѣ несчастныхъ грѣшниковъ. Рѣка волнуется бурно, выворачиваетъ со дна грѣшниковъ и погружаетъ ихъ снова на дно; колебанія ея быстры, какъ молнія: волны огненныя страшными гребнями воздымаются на безмѣрную высоту и во мгновеніе ока падаютъ на дно бездны. Людей въ ней такъ

много, что они отовсюду выныряютъ; они всё живы; черты лицъ ихъ нестерпимо ужасныя; не разберешь, что кричатъ, какой-то раздирающій душу ревъ и стenanіe. Они мечутся къ берегу, стараются выползти: но берегъ—сущяя стѣна: вытти невозможно. Да еще: слуги сатаны, съ страшными баграми, стоятъ по всей линіи берега и нещадно разятъ ими тѣхъ, которые приближаются къ берегу. Не смотря на сіе, несчастные тамъ и здѣсь карабкаются, хватаются за берега, за багры. Слуги сатанинскіе не успѣли бы всюду всѣхъ сражать, но вотъ другое ихъ средство: другая шеренга, повыше сихъ же сатанинскихъ служителей, съ верху покатаго берега пускаютъ огромные камни и дерева. И сими то тяжестями бѣдные грѣшники начисто сглаждаются съ береговъ и погружаются снова въ огонь геенскій. Смотря съ оцѣпенѣніемъ на сіи ужасы, я умолялъ моего Ангела вы-свободить изъ сей рѣки мою бабушку (батюшкину мать). Я ее тамъ увидѣлъ. Она жалобно о семъ меня умоляла. Ангелъ мнѣ сказалъ: „жаль ее, но я ничего не могу сдѣлать. Впрочемъ, есть надежда, молись за нее: умолишь“. Я сталъ молиться, она мнѣ стала подавать руку. Я нѣсколько разъ ее вытаскивалъ: но она обрывалась и снова погружалась. Не помню, высвободилъ ли я ее совсѣмъ. Слуги сатанинскіе съ моимъ Ангеломъ спорили: но отступали всюду, гдѣ онъ былъ со мною. Они всё нагіе, закопченные, лица ужасно звѣрскія, тощія; видъ ихъ старый, волосы дыбомъ, лица осколкомъ, носъ долгій и толстый, глаза бѣгаютъ, узенькая, клоками, борода. Такъ помню! Потомъ тотъ же Ангелъ началъ водить меня по холоднымъ отдѣленіямъ ада. Снаружи будто зданія: отворилъ дверь—тутъ широкая и весьма глубокая яма, чуть видно дно; тамъ на днѣ грязь нестерпимо вонючая, въ грязи ядовитыя животныя безчисленныхъ видовъ, змѣи, лягушки и проч., чего и сказать не умѣю. Между ними—люди; и ихъ то сіи лютые гады грызутъ и терзаютъ. И здѣсь такъ же отчаянныя стenanія, какихъ никакъ невозможно и вообразить. Страдальцы безнадежны: они во мракѣ, однако немножко можно ихъ разобрать. Змѣи сосутъ ихъ, выются около нагихъ членовъ ихъ: ужасно! Такихъ отдѣленій много: я истерзался, смотря на нихъ. Наконецъ, какіе-то мучители приступили и ко мнѣ. Ангелъ отъ меня удалился. Мнѣ должно было одному бороться съ

ними Они поносили мою вѣру и упованіе, хотѣли исторгнуть ихъ изъ души моей. Я отвѣчалъ имъ вопреки съ дерзновеніемъ мужественнымъ. Мнѣ грозили казнями: я не боялся. Наконецъ меня начали пригвождать ко кресту. Мучительны были мои страданья: но я и съ креста укорялъ распинателей и грозилъ имъ, что придетъ время, когда и я надъ ними получу отъ Бога власть. Я страдалъ на крестѣ долго. Не знаю, какими судьбами, но я спасся, и точно получилъ во власть моихъ мучителей. Я началъ было самъ распинать же ихъ, но этой сцены дальше не помню. Кто такіе были мои распинатели—теперь не умѣю сказать. А кажется, или жиды, или на нихъ похожіе невѣріемъ и хуленіемъ Искупителя. Это второе мое видѣніе, сколько припоминаю.

в) Наконецъ, въ третьемъ видѣніи были одни утѣшенія. Мнѣ представилось, будто я въ своемъ храмѣ (на родинѣ). Храмъ удивительно утѣшительный. Въ немъ народу множество; всѣ молятся съ жаромъ; вижу въ куполѣ храма на воздухѣ виситъ мраморная гробница; она то опускается, то поднимается вверхъ. Люди приближаются къ ней, хотятъ поклониться и облобызать ее. Мнѣ показалось, что этотъ храмъ есть единый во всей вселенной, что сюда стеклось все человѣчество, что съ живыми предстоятъ и умершіе: они воскресли. Мнѣ весьма хотѣлось приложиться къ этой гробницѣ: я узналъ: „это гробъ Господень“. Слышу съ верху храма какъ бы отъ гробницы гласъ къ людямъ самого Господа. Рѣчь Господня была обличительная, но не грозная, а отеческая, убѣждающая и призывающая грѣшниковъ къ покаянію. Господь свидѣтельствовалъ: а) о Своей благости къ людямъ особенно въ искупленіи рода человѣческаго Своимъ воплощеніемъ и во плоти страданіями; б) о томъ, что Онъ далъ и падшему человѣку всѣ средства, чтобъ не грѣшнить, а спастись; в) о томъ, что отъ Него никакой грѣхъ, даже только въ помысленіи, не скрытъ: Онъ все видитъ. г) Особенно сильно Господь убѣждалъ—оставить лукавыя обычаи вѣка и ими не оправдываться. „Я васъ буду судить по Моему Евангелію“, рекъ Господь, „а не по вашимъ обычаямъ. Вы испортили мой законъ вашими извиненіями. У васъ всѣ и тяжкіе грѣхи уже оправдываются. Вы вездѣ находите себя правыми и думаете, что и предо

Мною оправдаетесь. Нѣтъ! Я взыщу все, что вы не сдѣлали, или сдѣлали не такъ, какъ Я повелѣлъ. Отъ Меня не скроетесь и ничѣмъ не защититесь. Знаю ваши немощи, но Я далъ вамъ свои силы. Съ ними вы не были бы немощны: вы лѣннывы“. Такъ Господь взывалъ къ намъ милостиво. Всѣ плакали: давали обѣты исправиться. Я стоялъ на солеѣ у алтаря съ лѣвой стороны. Я началъ молиться вслухъ: слезы лились у меня рѣкою. Я просилъ Господа быть ко мнѣ милостивымъ. Слышалъ и отвѣтъ отъ Господа, онъ былъ утѣшительный, но я теперь не умѣю и не смѣю его повторить. Гробница Господня опустилась предъ Царскія Врата. Я подбѣжалъ съ жаромъ и удостоился облобызать ее. Гробница изъ мрамора, сѣдовато-бѣлаго, волнами отдѣлана чисто. Послѣ она опять поднялась. Многіе успѣли приложиться, а нѣкоторые сего лишились.

Потомъ я опять увидѣлъ Ангела. Онъ мнѣ обѣщалъ показать рай. Я съ нимъ уже ходилъ по воздуху, не опасаясь упасть. Онъ привелъ меня, какъ будто, въ трапезу нашего храма; сквозь стеклянное полукружіе онъ показывалъ мнѣ внутренность настоящей нашей церкви: это будто рай. Мнѣ хотѣлось войти туда, но было весьма узкое мѣсто, надо было сжаться въ половину противъ моего объема, иль больше. Я покушался долго и, кажется, прошелъ, но уже очутился выше этого мѣста—на хорахъ. Тутъ я увидѣлъ храмъ сей въ такомъ блескѣ, что и доселѣ не видалъ нигдѣ ему подобнаго: а въ сердцѣ была такая радость, что мнѣ уже не хотѣлось возвращаться къ жизни (ибо я зналъ, что это видѣніе). Тутъ мнѣ сказаны три слова, которыхъ мнѣ строго не приказано сказать: и я не смѣю и не умѣю.

Вотъ мои видѣнія. Не умѣю самъ понять (повторю), что они суть такое. Кажется, не согрѣшу, если назову ихъ откровеніями Божиими. Но вотъ что удивительно, я во все сіе время видѣній сохранялъ два сознанія: одно то, что я есмь, другое—что вижу. Помню и знаю, что я мальчикъ, въ домѣ родительскомъ лежу на постелѣ, слышу и даже, кажется, вижу окружающихъ меня (хотя глаза мои были закрыты: я лежалъ неподвижно и былъ блѣденъ, какъ полотно. Это мнѣ сказывала матушка): но не могу съ ними проговорить ни слова, а говорю только то, что вижу и куда переносусь душою. Послѣ сихъ трехъ экстазовъ я сдѣлался томень и уди-

вительно тихъ. Переоталъ ѣсть скоромное, не только мясо, даже и молоко, хотя мнѣ сего весьма хотѣлось. Матушка, сожалѣя меня по дѣтству, упрашивала меня со слезами, чтобы я ѣлъ скоромное. Ей было меня жаль: ибо я былъ чуть живъ. Я уступилъ матушкѣ. Вмѣстѣ съ симъ у меня родилась мысль скрыться изъ дома родительскаго, уйти куда-нибудь въ невѣдомый лѣсъ, или оврагъ и тамъ поселиться для спасенія. Мысль сія у меня была долго: но я не смѣлъ на нее рѣшиться, опасаясь ужасовъ уединенія. Это было со мною отъ ноября 1812-го по февраль 1813 года.

Весною въ 1813 году я заболѣлъ уже сильно: былъ боленъ мѣсяца два и едва воскресъ; сія болѣзнь была уже обыкновенная.

Теперь не помню, въ 1813-мъ или въ 14-мъ году я опять представленъ былъ въ Училище; помню только, что ученіе началось, кажется, съ зимы и вѣроятно съ конца 1814-го года. Съ сего времени уже открылось преобразование въ нашихъ Духовныхъ Училищахъ всюду. Въ Троицкой лаврѣ (Московской губерніи) открыта была Академія, а Семинарія и Училища, здѣсь бывшія, разведены въ Виоанскую и Московскую Семинаріи и по Училищамъ. Я пріѣхалъ въ Училище; у насъ уже новые учителя, учениковъ много собралось изъ Лавры и Виоаніи. Количество учениковъ утроилось. До преобразованія насъ всѣхъ въ Звѣнигородскомъ Училищѣ едва было 50, а тутъ сдѣлалось больше 150 учениковъ.

Когда меня въ сей разъ представили въ Училище, меня поставили на квартирѣ у крестьянина Ильи Лаврентьевича Рыбакова, въ подмонастырной слободѣ, отъ Училища съ версту, иль меньше. Здѣсь я воскресъ. Я радъ былъ, что уже имѣлъ право свободно ѣсть свой хлѣбъ, когда захочу. Я жилъ съ учениками: насъ было на сей квартирѣ до 14. Хоть тѣсно было, но мы были на свободѣ и тѣмъ были довольны. Правда, пища наша была жалостная: однѣ пустыя ши, изъ дурной сѣрой капусты, безъ масла и безъ всего. Кто былъ въ состояніи, покупалъ говядину. И я иногда привозилъ изъ дома соленой съ пудъ, иль поменьше. Привозилъ еще четверикъ крупъ—на три мѣсяца и изрѣдка варилъ себѣ кашу. Но и сія бѣдственная пища была мнѣ отрадна, по сравненію съ тѣми мученіями и гладомъ, какими я томился у Ивана Сергѣевича.

Еще: здѣсь я могъ учиться свободно. Меня никто не отвлекалъ ни на какія работы. А у учителя я былъ больше работникъ, нежели ученикъ. Семейство сего крестьянина составляли: онъ самъ съ женою Дарьею Дмитріевною, три сына: Александръ, жена его Пелагія Антоновна (уже скончалась), Иванъ, Дмитрій и дочь Катерина. Александръ жилъ въ Москвѣ на фабрикѣ (нанковой), Иванъ мнѣ ровесникъ, Дмитрій еще ребенокъ (нынѣ онъ монахъ Даниилъ въ Саввинѣ монастырѣ); Катерина дѣвица лѣтъ 13 или 14 (послѣ она выдана замужъ за подъячаго, который теперь въ Подольскѣ Моск. губ.). Дѣвица Катерина меня любила за мою предъ другими кротость и за послушность: я у нея былъ на посылкахъ и по вечерамъ сиживалъ съ нею, чтобъ ее занимать разговорами (она разматывала шелкъ).

На сей квартирѣ я прожилъ, кажется, около двухъ лѣтъ; послѣ сего меня сманивалъ къ себѣ тотъ мой мучитель Павелъ Сокольскій, что мучилъ меня у Ивана Сергѣича. По простотѣ и незлобію моему, я его послушался и перешелъ на его квартиру (къ бабушкѣ Котлерихѣ). Здѣсь я жалостно обманулся. Павелъ меня тотчасъ опять сдѣлалъ своимъ слугою и игрушкою его звѣрской и разсѣянной души. Но съ нимъ я прожилъ одну треть: его перевели въ Реторику. Послѣ него я самъ перешелъ уже въ высшее отдѣленіе: слѣдовательно, самъ сталъ старшимъ. Товарищи мои здѣсь были пренегодные, лѣнтяи, бѣднѣйшіе, предурного воспитанія.

Тутъ со мной вышло другое горе: съ сего времени записали въ школу моего брата Михайлу; онъ былъ еще 7 лѣтъ. Негодные мальчишки, мои сотоварищи, напали на него, начали надъ нимъ ругаться, бить его. Мнѣ это было смертельно жаль, но я не всегда могъ защищать его. Къ тому началъ учиться онъ плохо. Я мучился, видя, что онъ не разумѣетъ ученія и по классу изъ послѣднихъ. Со слезами на глазахъ, я вперялъ ему его уроки и старался довести его хоть до посредственности. Слава Богу! мои труды и болѣзани о немъ не были тщетны. По немногу онъ сталъ просвѣтляться и въ два года успѣлъ перейти въ низшее уѣздное болѣе нежели средственнымъ.

На этой квартирѣ хозяйка вдова старушка. Она, безъ сомнѣнія, давно умерла. Старушка богобоязненная, изъ штат-

ныхъ; у нея одинъ сынъ былъ холостой, а двое женатыхъ (фамилія ихъ Котляровы). Только холостой жилъ съ нею.

Промучившись здѣсь съ полгода, или съ годъ, не помню, я сталъ просить матушку, чтобъ она перевела насъ на старую квартиру. Я перешелъ. Для сего матушка приходила къ намъ пѣшкомъ. Я столько обрадовался сему новому переходу, что снова почелъ себя какъ бы воскресшимъ. Съ сего времени, уже до окончанія ученія въ Училищѣ, я прожилъ на квартирѣ Рыбакова и жилъ безъ скорбей. Братъ Михайла, увидя, сколько я ему приношу пользы и какую службу ему вездѣ защитой, сдѣлался мнѣ столько покорнымъ и былъ столь ко мнѣ уважителенъ, что и любилъ и почиталъ меня, какъ отца. Это ему честь. Такое расположеніе ко мнѣ онъ хранилъ во все время нашего ученія, даже и донынѣ отчасти это помнить.

Вотъ одно изъ замѣчательныхъ приключеній на этой квартирѣ со мною. Однажды я пришелъ изъ школы на квартиру обѣдать. Былъ съ утра обыкновенно подѣтски живъ и веселъ и пришелъ обѣдать веселымъ. Сѣли за столъ. Вдругъ, закипѣло у меня сердце и сжалось: я померкъ, потомъ сталъ вздыхать, потомъ плакать больше и больше. Не могъ сидѣть и за столомъ. Сперва надо мною шутили, потомъ, когда увидѣли, что я началъ метаться, всѣ пришли въ жалость, начали уговаривать. Спасибо, хозяинъ сталъ ухаживать за мною, какъ за своимъ сыномъ. Я плачу и тоскую, не зная самъ о чемъ. Бывшись такъ часа полтора, я уснулъ: проснулся, и моя скорбь миновалась, я былъ попрежнему веселъ. Сіе столь непонятное тогда событіе удивительно, чѣмъ объяснилось. Въ этотъ день и въ это самое время (какъ я узналъ послѣ) у насъ въ домѣ случилось страшное происшествіе. Это было осенью. Батюшка позвалъ одного двороваго челоувѣка (Семена Козлова) заколоть свинью. Поймали и связали свинью. Надобно было ее рѣзать. Козловъ имѣлъ для сего ножъ за поясомъ: онъ нагнулся для того, чтобъ начать свое дѣло. Что-же?—несчастный! Онъ не вынулъ ножа и своимъ бокомъ вдавилъ весь ножъ въ свой пахъ! Батюшка и матушка не догадаются сего несчастія: свинья бьется и реветъ пронзительно. Матушка побѣжала къ Семену, чтобъ его побудить, и ужаснулась, увидя, что у него изъ паха бьетъ кровь фонтаномъ и ножъ погруженъ въ пахъ. Бросили

свинью и тотчасъ къ священнику и прикащику, чтобъ объявить имъ и не быть въ бѣдѣ. Священникъ (упокой его Господи) былъ на насъ ужасно злобенъ. Однако пришелъ: исповѣдалъ несчастнаго Козлова и причастилъ. Слава Богу, онъ еще могъ выговорить, что онъ пропадаетъ отъ своей неосторожности. Сбѣжалось все село. Ножъ вынули изъ раны. Ничѣмъ не уймутъ кровь; раздѣли его до нага, внесли въ горницу; онъ былъ уже недвижимъ и кровь уже чуть бѣжала. Оставалась одна минута жизни. Тутъ прибѣжала приказчица и сказала, что для унятія крови надобно положить на рану серебряный рубль. Нескоро нашли: побѣжали въ церковь, принесли, положили—и—чудное дѣло! кровь остановилась. Почти уже изшедшій кровью Козловъ началъ оживать и точно, ожилъ и едвали и доселѣ не здравствуетъ. Только онъ на эту ногу сталъ хромать.

Вотъ происшествіе: я былъ въ Училищѣ, за 46 верстъ, а мое сердце узнало домашнюю скорбь. Удивительное существо—душа человѣческая! или тутъ особенное дѣйствіе Божіе. Этотъ случай я объясняю—изъ сочувствія душъ родныхъ, которое мы не всегда умѣемъ разгадывать. И душа гораздо дальше бываетъ, нежели гдѣ ея тѣло (о семъ случаѣ я упоминаю и объясняю его въ моемъ разсужденіи о предчувствіяхъ, писанномъ въ Академіи и находящемся въ моихъ тетрадахъ).

Еслибъ умеръ Козловъ, батюшкѣ не обошлось бы безъ скорбей и можетъ его разсудили-бы какъ злонамѣреннаго убійцу. Священникъ не пощадилъ бы. Слава Богу! что онъ воскресъ. Но удивительно свѣтла была на тотъ разъ и моя душа!

Меня въ училищѣ, сколько припоминаю, сѣкли розгами пять разъ: 1) Тетка Надежда, жена дяди Николая Борис. (у котораго я первоначально жилъ) высѣкла меня за то, что я, попарившись, отерся бѣлою рубахою и ее замораль. 2) Дядя Николай Борис. за то, что я потерялъ складокъ, съ котораго учился писать (я его, по совѣту товарищей, для крѣпости обмазалъ масломъ, а собака за то его изорвала, какъ то найдя его у меня). 3) Иванъ Сергѣичъ за то, что я вечеромъ боролся съ сыномъ протоіерея смотрителя, а по утру, сверхъ ожиданія, посланъ былъ въ классъ (отъ Ивана Серг. я очень рѣдко ходилъ въ классъ); тамъ меня запи-

сали, что не знаю урока: и меня Ив. Сергѣичъ велѣлъ высѣчь. 4) Смотритель протоіерей Василій Васильевичъ за шалость: съ однимъ товарищемъ я гонялъ палкою замерзлую глышку, одинъ противъ другого. Случилось, что отъ удара палкою глышка поднялась высоко и ударила въ бровь моему товарищу. Сдѣлался знакъ ушиба, распухла окружность глаза. Товарищъ мой былъ сынъ священника въ Звѣнигородѣ. Онъ допросилъ сына о причинѣ, пожаловался смотрителю, и меня высѣкли. 5) Инспекторъ Училища священникъ Василій Егоровичъ. Вотъ какая была исторія: мы играли на улицѣ у квартиры въ бабки, въ ѣзду. Игра въ бабки начальствомъ запрещена, слѣдственно, мы дѣлали преступленіе. Зная это, одинъ изъ учениковъ сосѣдней квартиры (сущій дуракъ и ниже меня классомъ) побѣждалъ къ намъ и подъ руку кричить: мимо! Это онъ дѣлалъ много разъ. Когда я сталъ мѣтить, а онъ кричалъ и точно, я далъ мимо: мнѣ сдѣлалось досадно. Я побѣждалъ за нимъ, онъ отъ меня. Я догналъ его, схватилъ за воротъ; онъ сейчасъ закричалъ, какъ бы я билъ его, взвылъ на всю улицу и побѣждалъ къ Инспектору жаловаться на меня. Инспекторъ на другой день пришелъ въ классъ, и когда ученики распущены были на обѣдъ, онъ меня остановилъ на крыльцѣ и началъ бранить за вчерашній мой проступокъ. Я замѣтилъ, что уже дожидается ученикъ съ лозою, помертвѣлъ, ничего не могъ сказать въ оправданіе: да Инспекторъ видно не хотѣлъ и слушать. Я ужаснулся наказанія и чувствовалъ всю его несправедливость: однако нехотя легъ. Такъ какъ не оставлено было ученика еще, чтобъ поддержать меня, то я отъ перваго удара вскрикнулъ и въ безпамятствѣ вскочилъ и побѣждалъ. За мной было погнался тотъ ученикъ, но видно не велѣно было: я ушелъ. Это такъ меня потрясло, что я цѣлыя сутки рыдалъ, и стали уже опасаться, чтобъ со мною чего не приключилось.

Такъ надобно имѣть разборчивость съ наказаніями дѣтей! такъ необходимо входить въ подробности проступка! Я до сихъ поръ называю за это Инспектора глупымъ, или лѣнивымъ. Это случилось уже въ послѣднюю треть въ Училищѣ. Я шалуномъ не былъ; учился весьма хорошо. Тотъ мальчишка негодяй и по-дѣтски мерзавецъ. Инспекторъ поступилъ дурно. Что еще? когда я побѣждалъ полуизступленнымъ

на квартиру, здѣсь нашелъ матушку; она возвращалась съ богомолья изъ Троицкой Лавры. Можетъ быть, свиданіе съ нею умалило скорбь мою: иначе я не знаю, что со мною бы было. Однако и она не уговорила меня совсѣмъ: я все плакалъ.

Учился я въ Училищѣ хорошо. Къ новому преобразованію ученія въ 1814-мъ году я выучился только склонять и спрягать по латынѣ, дѣлалъ уже и задачи на имя существительное съ прилагательнымъ и на глаголь, безъ синтаксиса. Такъ мало до сего времени я выучилъ: а) потому, что у учителя своего жилъ болѣе работникомъ, нежели ученикомъ; б) помѣшали французы, моя болѣзнь и видно бѣдность родителей. Съ 1812-го съ іюля по ноябрь или декабрь 1814-го, кажется, я прожилъ дома. Съ сего времени я уже учился постоянно. Въ низшемъ отдѣленіи достигъ 3-го мѣста, но въ высшемъ былъ 9-мъ, такъ и переведенъ въ Реторику.

Въ низшемъ отдѣленіи былъ у насъ прекрасный учитель студентъ Алексѣй Семеновичъ Миролюбовъ. Онъ насъ любилъ, былъ прилеженъ и умѣлъ учить, а особенно любилъ покровительствовать дарованія. Лучшіе ученики всегда были его утѣха; съ ними онъ былъ ласковъ, хвалилъ, даже иногда шутилъ, хотя весьма умно. Любилъ намъ рассказывать исторіи, анекдоты. Помню, какъ онъ восхищалъ рассказами о походахъ Суворова, о Египетскихъ древнихъ чудяхъ, о сфинксѣ, о Семирамидѣ, о колоссѣ и проч. За то мы его отлично уважали и привязаны къ нему были, какъ дѣти. Меня онъ, кажется, любилъ особенно. Я былъ очень малъ ростомъ и крайне застѣнчивъ: но учился очень хорошо. Къ тому я имѣю какую-то оплошность и наружную простоту. Это забавляло моего умнаго учителя. Однажды, когда онъ, задавъ намъ въ классѣ задачу, ее дожидался и я подалъ ее прежде всѣхъ: онъ сталъ читать, морщась и кивая. По этому мы привыкли считать свои погрѣшности въ задачѣ. Но я зналъ и былъ увѣренъ, что моя задача хороша. Учитель подписалъ: *Praestantissime* (превосходно) и, подойдя ко мнѣ, съ притворнымъ гнѣвомъ закричалъ: скверная задача! *flecte!* (т. е. становись на колѣни). Я сейчасъ увидѣлъ, что это только потѣха: однако и я съ притворною же грустью сошелъ съ мѣста и сталъ на колѣни. Учитель тотчасъ подо-

шелъ ко мнѣ, погладилъ по головѣ, велѣлъ садиться и осыпалъ похвалами.

Отъ той же простоты, иногда слушая толкованія или рассказы учителя, я прислонялся къ сосѣднему товарищу и, не примѣчая, дремалъ. Учитель, бывало, воскликнетъ: „Казанцевъ! сказывай, что видѣлъ во снѣ?“ Впрочемъ его толкованіе я былъ способенъ всегда повторить, и потому онъ не сердился на меня, а только забавлялся.

Въ высшемъ отдѣленіи учитель мой былъ Степанъ Петровичъ Краснофѣвцевъ—студентъ же. Онъ нынѣ въ Москвѣ въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Драчахъ, діакономъ (а почтенный мой учитель Алексѣй Семеновичъ давно уже скончался. Бѣдняжка! онъ былъ не трезвъ и тѣмъ ускорилъ свою кончину. И онъ былъ діакономъ же въ Москвѣ у Спиридонія на Казихѣ. Жена и дѣти его теперь, сиротствуя, бѣдствуютъ). Этотъ учитель былъ хладенъ ко всѣмъ; бормоталъ про себя, однако былъ и уменъ и прилеженъ. Меня онъ въ послѣднюю треть особенно не взлюбилъ, раза два ни къ чему придирался въ классѣ и весьма больно таскалъ за волосы и билъ по щекамъ и по головѣ.

Моя предъ нимъ вина была очень смѣшная: Послѣ Пасхи надобно было, по обыкновенію, являться къ учителю. Тутъ ему даютъ, кто сколько можетъ. Мнѣ батюшка далъ на это либо гривенникъ, либо пятацыйный. Идя къ учителю, я колебался: дать эту монету учителю, или не дать?—„Учусь“, думалъ я, „хорошо, переведенъ въ Реторику быть долженъ. За что же я дамъ деньги учителю? а при томъ какъ эта монета и мнѣ была бы нужна.“ Въ такомъ раздумьи я вошелъ и къ учителю. Выходитъ учитель; я съ нимъ похристосовался: далъ крашенное яйцо; потомъ и монету хотѣлъ было дать, даже и руку протянулъ и учитель также было подаль свою руку: но я вдругъ отдумалъ и возвратилъ руку назадъ. Учитель остался пристыженнымъ и съ крайнею досадою меня отпустилъ, не сказавъ, однако, ничего. Странно точно и смѣшно! Учитель, правду сказать, всего ближе могъ принять мой поступокъ за насмѣшку себѣ: но ей, я не имѣлъ ничего похожаго въ мысляхъ, а сдѣлалъ это по странной простотѣ, особенно мнѣ принадлежащей. Однако, какъ оказалось, учитель этого не понялъ и потому мстилъ мнѣ побоями. Даже замышлялъ было сдѣлать мнѣ еще большее

зло: именно, хотѣлъ оставить въ Училищѣ, а можетъ быть и исключить. Такое несчастіе передано было моею матушкѣ отъ доброй хозяйской дочери дѣвицы Катерины, въ проходѣ матушки изъ богомолья. Матушка тутъ не разобрала дѣла, но когда пришла домой и рассказала эту бѣду моему дѣдушкѣ, а ея родителю, дѣдушка испугался, далъ матушкѣ 20 рублей денегъ и послалъ опять ко мнѣ съ тѣмъ, чтобъ дарами и поклонами умолить разгнѣваннаго учителя и просить покровительства отъ Смотрителя. Царство небесное дѣдушкѣ! Въ самомъ дѣлѣ, онъ понялъ дѣло: можетъ быть безъ того, я точно, если не исключенъ, то оставленъ бы былъ въ Училищѣ. А это такъ важно, что оно рѣшило бы мою судьбу конечно совсѣмъ иначе на все послѣдующее время.

На послѣдній нашъ экзаменъ пріѣхалъ ревизоромъ самъ о. Ректоръ Виѣанской Семинаріи (которой по росписанію принадлежитъ Звѣнигородское Училище), Архимандритъ Веніаминъ. Веніаминъ мужчина тучный, небольшого роста; какъ рассказываютъ, отлично умный. Онъ, бѣдняжка, пострадалъ. Слышно было, что онъ на своемъ экзаменѣ въ Семинаріи поспорилъ крупно, и даже на вопросы ему отвѣчалъ смѣхомъ Преосвященному Архіепископу Московскому и ревизору Филарету, нынѣ Митрополиту Московскому, такъ что первый изъ нихъ ему сказалъ *quis non probat* (смѣхъ не доказываетъ). И это сдѣлало его несчастіе. Его тогда-же изъ Виѣаніи перевели въ Уфу (т. е. сослали) въ ректора-же, изъ Уфы въ Астрахань тѣмъ же. И здѣсь въ обоихъ мѣстахъ онъ былъ какъ то несчастливъ. Изъ Астрахани его уже взяли въ какой-то монастырь въ Вологду, за что,—не знаю. Не знаю и точно, живъ онъ, или нѣтъ. Мнѣ его жаль. Смѣхъ у него—не обида, а просто характеръ и привычка, конечно, не совсѣмъ похвальная. Онъ и у насъ на экзаменѣ, помню, безпрестанно смѣялся.

Матушка моя за меня просила и его. Онъ ей милостиво сказалъ, что сынъ ея учится хорошо и безъ сомнѣнія поступить въ Реторику. Въ это время мнѣ пришла глупая мысль въ голову: проситься въ Московскую Семинарію. Матушка не понимала здѣсь ничего; и по моему желанію просила о. Ректора и о семь. Спасибо, что о. Ректоръ сказалъ, что онъ не совѣтуетъ, а впрочемъ не мѣшаетъ: но объ этомъ де,

надо подать просьбу въ Правленіе Семинаріи. Мы этого не умѣли сдѣлать, и слава Богу.

Когда я былъ еще въ низшемъ отдѣленіи, къ намъ пріѣзжалъ Ревизоромъ же и такъ же Виѣанскій о. Ректоръ Пареевій—нынѣ Архіепископъ Владимірскій. Я ему сказалъ латинскій примѣръ, и онъ меня похвалилъ. Это былъ первый Архимандритъ, какого я видѣлъ въ жизни. Невозможно изобразить моихъ чувствъ удивленія и благоговѣнія, какое я имѣлъ къ симъ о.о. Ректорамъ, видя ихъ и на нихъ Архимандрическіе кресты. Мнѣ казалось, что они уже не люди, а гораздо ихъ выше: будто ангелы. Помню, я нарочно бѣгалъ посмотрѣть повозку, въ которой пріѣхалъ о. Пареевій, и мнѣ казалось, что и повозка, и лошади, и кучеръ—все святое. Готовъ былъ креститься и цѣловать все. Такъ кончилось мое ученіе въ Училищѣ и съ нимъ мое дѣтство. Меня перевели въ Реторику въ 1818-мъ году, и въ семь же году въ сентябрѣ мнѣ минуло 15 лѣтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
